

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

Рассматривается проблема ответственности человека в условиях технической цивилизации. Опасность исходит из возросшей технологической мощи, способной прекратить дальнейшее существование человечества. Возникает настоятельная потребность в новой этике, ориентированная на содержание технической деятельности. Этика ответственности призвана ответить на вопрос: кто же несет ответственность за предвиденные и непредвиденные последствия в условиях коллективной технической деятельности?

В специфике философского исследования техники основополагающим мотивом является многогранное отношение «человек и техника», которое может быть представлено через призму онтологических, гносеологических, аксиологических и других проблем. В данном случае это отношение мы попытаемся осмыслить в этическом измерении, поскольку в современном мире этические проблемы в большей степени – это проблемы, связанные с техникой и ее развитием.

Выдвинутое утверждение требует своего обоснования в той связи, что точки соприкосновения техники и этики не очевидны: в значительной своей части техника – это сфера сущего, фактически обнаруживаемый феномен, где господствует целесообразность, прагматичность. Область этики – это нравственно-ценностное восприятие мира, сфера должного, идеалов. Данное положение основано на представлении о разделении сущего и должного, бытия и ценностей, теоретического разума и практического, берущем свое начало в философиях Д. Юма и И. Канта. Указанное разделение послужило основанием для идеи моральной нейтральности науки и техники.

Прежде всего, техника, отмечает Х. Блюменберг, «это не царство определенных объектов, возникающих в результате человеческой активности, а некое состояние отношений человека к миру» [1. С. 81]. И если продолжить, то техника как способ отношения к бытию, природе, самому человеку получила свою индульгенцию в установках западно-европейского сознания: от бэконовского идеала покорения природы до репрезентации мира в качестве картины, где человек, становясь субъектом, экстраполирует свою эгоцентрическую проекцию на весь мир.

Причины этого могут быть самые разные, в частности, Э. Гуссерль полагает, что технизация (способ сокрытия «жизненного мира», его овеществление) – это патологический процесс, где патология связана с непоследовательным осуществлением теоретической установки: «...технизация является не альтернативой жизненности миру, а скорее самореализацией непоследовательного осуществления теоретической установки» [2. С. 77].

Проблема в том, что техника, попадая в жизненный мир, превращается в нечто само собой разумеющееся, самоочевидное, она «...в большей степени становится невидимой не благодаря мимикрии своих оболочек, а при ее имплантации в жизненный мир. Технизация не только обрывает свою фундирующую связь с теоретическим действием, возникающим в жизненном мире, но сама начинает регулировать жизненный мир» [2. С. 84].

Техника, становясь доминирующей формой отношения человека с миром, разрушает баланс между различными формами рациональности, например целевой

(технической) и ценностной. В. Хесле пишет: «В самом деле, некоторые формы рациональности, в особенности техническая рациональность, развиваются достаточно быстро; более того, они нарастают по экспоненте, тогда как другие, традиционно называемые мудростью, иными словами, связанные с усмотрением ценностей, ныне не развиваются совершенно и даже претерпевают регресс» [2. С. 42].

Таким образом, морально-этические коллизии современности есть результат напряженной ситуации между интенсивным развитием техники и нравственными ориентирами, которые постоянно оказываются из-за технических изменений устаревшими, натянутыми и искаженными, моральное сознание просто не успевает своевременно реагировать на то или иное техническое новшество. А.В. Миронов полагает, что причина несвоевременной реакции этической рефлексии на технические достижения в традиционной выработке морально-нравственных норм: «Современная ситуация не позволяет обществу успешно адаптироваться к воздействию научно-технического прогресса традиционными способами вековых проб и ошибок» [3. С. 5].

Императив делаемости, гласящий, что все, что может быть сделано, должно быть сделано, основан на отсутствии всяких пределов и ограничений в деятельности homo faber. Данная установка привела к ряду трудноразрешимых проблем современного мира: во-первых, негативные последствия технической деятельности, которые приобретают глобальный масштаб, как в пространстве, так и во времени. Во-вторых, человек в буквальном смысле слова становится объектом техники, например в случае с биотехнологическими манипуляциями, которые в своей сущностной основе отличаются от инженерного воздействия на природу.

Известный немецко-американский исследователь Ганс Йонас отмечает, что «...в случае неживой материи производитель перед лицом пассивного материала является единственным деятелем. Но, когда мы имеем дело с живыми организмами, то... одна деятельность встречается с другой. Биологическая техника функционирует коллаборативно с собственной деятельностью активного материала, представляющего собой биологическую систему, от природы обладающую способностью функционировать; в ней должна теперь воплотиться некая новая детерминанта развития... Технический акт имеет форму интервенции, а не строительства» [7. С. 60].

Таким образом, техническая деятельность, остающаяся до сих пор этически не истолкованной и не нормированной, не может быть оставлена в стороне от нравственных категорий: добра и зла, справедливости, свободы, моральной ответственности. В этой связи акту-

альны следующие вопросы: какая этика способна взять на себя функцию контроля над техническим развитием и его негативными последствиями? Релевантны ли прежние индивидуалистические морально-нравственные концепции в решении возникших проблем?

Во-первых, речь идет о такой этике, которая должна быть ориентирована, с точки зрения Х. Ленка, на изменяющийся мир: «Если мораль создана для людей, а не человек для морали, то этика не может отказаться от своей ориентации на последствия» [11. С. 226]. Поэтому во второй половине XX в. исследователи (Р. Маккион, Г. Йонас, Х. Ленк) заговорили о необходимости обоснования некоего механизма, способного своевременно выявлять и предотвращать наиболее негативные последствия развития техники, в качестве которого выступила «новая» концепция ответственности. В исследовательской литературе ее обозначают как предупредительная ответственность, или проспективная, или просто этика ответственности.

Во-вторых, философы техники (Г. Йонас, Х. Ленк, Г. Рополь, Э. Штрёкер и т.д.) настаивают на трансформации и расширении всего поля ответственности, которая должна соответствовать изменившимся масштабам деятельности. Этика ответственности требует этически осваивать новую ситуацию с новыми средствами, в этой связи исследователи отказываются от прежнего ее индивидуалистического измерения, поскольку все предшествующие этические концепции, замечает А.В. Миронов, «описывают поле фактов, исключая воздействие, оказываемое техникой на общество» [3. С. 7].

Техника не играла столь существенной роли в жизни человека, ее влияние носило ограниченный характер, что также было отражено в философско-мировоззренческих установках, где техника как сфера сущего не пересекается со сферой должного. В частности, в моральной философии Канта царство целей и ценностей, которому принадлежит человек как моральное, а значит, свободное существо, не пересекается с царством необходимости, где человек живет и действует по логике целей и средств.

Этические теории прошлого не ориентированы на глобальные масштабы жизни, тем более на отдаленные как во времени, так и в пространстве последствия поступков. Если обратиться к содержанию максим традиционной этики, то они и демонстрируют ограниченность непосредственного круга действия: «возлюби ближнего как самого себя»; «поступай с другими так, как желал, чтобы они поступали с тобой»; «подчиняй личное благо благу общественному» и т.д.

Г. Йонас пишет: «Благо или зло, на которые должна быть направлена деятельность, оказывались доступными действию: или в самой практике, или в ее непосредственном пространстве, и не были объектами отдаленного планирования... Правильное поведение имело свои четкие критерии и почти непосредственную актуализацию» [7. С. 71–72].

Таким образом, ответственность в предшествующих этиках могла положиться на стабильный мир и на возможность рационального опыта, где было достаточно здравого смысла, доброй воли, чтобы перевести эту волю в действие. Это тривиальное условие не составляло проблемы до тех пор, пока ответственность существовала в

области непосредственных действий. В этом смысле И. Кант не придавал последствиям поступков какого-либо значения, поскольку, отмечает В. Хесле, он мог «верить в достаточность здравого человеческого рассудка, для определения нравственного поведения в той или иной ситуации» [2. С. 92]. Традиционная этика – это абсолютная этика, ставящая абсолютные требования и не спрашивающая о последствиях. М. Вебер ее называет «этикой убеждения», она не имеет дело с эмпирией, где решить проблему масштабных последствий весьма затруднительно.

Формирующей же концепции ответственности приходится учитывать новое измерение действий и связанную с этим необходимость нового отображения проблемы последствий, принимать во внимание глобальный масштаб человеческого существования, перспективу далекого будущего и проблему выживания человеческого рода. В этом смысле ответственность не может быть понята как доказательство уже известного морального действия (И. Кант) или как разъяснение, подтверждение существующей морали (Аристотель).

Мощь техники достигла своего апогея, с ее помощью человечество может прекратить свое дальнейшее существование. Под вопросом оказался сам человек (его онтологическая идея), присутствие которого – это некая абсолютная, нетематическая установка, имеющаяся во всех морально-нравственных концепциях. Г. Йонас, в частности, предлагает такую концепцию ответственности, где само присутствие человека становится объектом обязанности. Все остальные этические вопросы о том, кто такой человек, кем он должен быть, приобретают производный характер, отмечает исследователь: «...лишь идея человека, поскольку она поясняет, почему должны существовать люди, поясняет нам и то, каким должно быть это бытие» [7. С. 104].

В исследовательской литературе наблюдается поливариантное толкование понятия ответственности: от интерпретационного этического конструкта, имеющего характер вменения (Х. Ленк) или фундаментальной характеристики бытия человека (Х. Сколимовски) до принципа построения новой этики (Г. Йонас) и т.д. Ответственность – это способность давать ответ кому-нибудь за что-нибудь не только за поступок или задачу, но и по отношению к кому-то, пред некоторой инстанцией. Человек на основе рациональной интерпретации мира может осуществлять выбор между различными практическими действиями, и осознание выбора связано с той целью, которую он ставит, как существо, способное предвидеть последствия своих действий.

Исследователи видят свою задачу в том, чтобы показать возможность ответственности за поступки в развивающемся мире. Прежде чем обязать участников к «предупредительной» ответственности, необходимо заново ответить на вопросы о ее носителе, инстанции и действующих нормах. Если традиционный этический дискурс апеллировал целостному, монологическому, идентичному субъекту (человек, совершивший поступок, идентичен тому, кто несет за него ответственность), то к какому субъекту апеллирует новая концепция ответственности, если в рамках постмодернистической философии утверждается «смерть субъекта» как кризис личностного начала. Кто, в таком случае, может взять на себя ответственность в предупредительной этике?

В условиях современного мира этика ответственности обращается к плюралистическому субъекту, в качестве которого могут выступать как отдельная личность, так и различные социальные группы, коллективы, народы, государства и, наконец, человечество в целом как совокупный субъект деятельности и ответственности. Таким образом, утверждается, что коллективы, институты способны взять на себя ответственность; если это так, то какие условия должны выполнить эти институты? За что нужно отвечать и перед кем?

В этой связи введение расширенной ответственности ставит целый ряд дискуссионных вопросов. Может ли быть приписана моральная ответственность, которая по определению личностна, индивидуальна, группам при условии, что современная техническая деятельность – это деятельность коллективная, имеющая характер более или менее обязывающего предприятия. Все это ставит проблему распределения ответственности в больших коллективах и, как замечает Э. Штрёкер, идея коллективной ответственности (со-ответственности, *Mitverantwortung*) «...допускает минимум один вопрос, который вообще нельзя было сформулировать рационально для ответственности: каким образом она может быть распределена? Например, как с разделенным горем, которое, согласно старой мудрости, становится полугорем, или с разделенной радостью, которая становится больше? Может ли коллективная ответственность быть разделена, рассчитана пропорционально больше или меньше?» [5. С. 7]. Для Х. Ленка эта проблема вполне разрешима, если рассматривать моральную ответственность как универсальный феномен, который не может быть ограничен сферой специфической ролей: «Каждый несет совместную ответственность сообразно занимаемой им стратегической шкале в сфере влияний и действия» [8. С. 90].

В этом ряду неоднозначна также идея предупреждающей (проспективной) ответственности, когда действие оценивается до того, как произойдет; но может ли человек в условиях современной науки и техники

быть ответственным за последствия, которые он просто не был в состоянии предвидеть, просчитать заранее и проконтролировать?

Возражения, которые выдвигаются против предупреждающей (проспективной) ответственности, состоят в следующем: невозможно оценить положительно или отрицательно то или иное действие, которое еще не совершено, поскольку следствия наших предполагаемых действий могут и не наступить.

Отчасти это связано, с психологической реакцией человека, отмечает Э. Агацци, если долгосрочные, негативные последствия и «угрожают человечеству или обществу в широком смысле слова, тогда как индивид склонен верить, что если трагедия и грянет, то уже после его смерти» [9. С. 29].

Идея проспективной ответственности свидетельствует о том, что человек благодаря своему техническому могуществу становится ответственным за большее, чем он в состоянии предвидеть, и за что он не может собственно отвечать. Это вводит в этику временной горизонт. В.А. Канке подчеркивает: «Быть ответственным – это значит эффективно ориентироваться во времени, в коротких и длинных его промежутках» [10. С. 292].

В целом обсуждение «новой» концепции ответственности, как замечает философ Klaus-M Kodalle, находится в ситуации «пост-метафизической обостренной неизвестности, в отсутствии однозначных этических приоритетов» [4. S. 182]. Это, безусловно, затрудняет и усложняет задачи исследователей.

Выдвижение ответственности на авансцену этической мысли в качестве возможного механизма контроля над технической деятельностью требует ее всесторонней проработки. Техника, пишет Х. Ленк: «...это часть нашей судьбы, как позитивной, так и негативной. От нее сегодня невозможно отказаться, но и от ответственного обращения с ней – тоже. Если техника – это моральный и экзистенциальный тест, то выдержит ли человек этот экзамен?» [8. С. 85].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блюменберг Х.* Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 64–93.
2. *Хесле В.* Философия и экология. М.: Наука, 1993. 205 с.
3. *Мионов А.В.* Техноэтика: Ответ на актуальные проблемы перехода к устойчивому развитию // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2004. № 3. С. 3–14.
4. *Kodalle Klaus-M.* Verantwortung. Ethik ein Grundkurs. rowohits enzyklopädie / H. Hastedt, E. Martens (Hg). Hamburg, 1994. S. 180–197.
5. *Elisabeth Ströker.* Ich und anderen: die Frage der Mitverantwortung. Frankfurt am Main: Klostermann, 1984. S. 7.
6. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
7. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
8. *Ленк Х.* Размышления о современной технике. М.: Аспект-Пресс, 1996. 183 с.
9. *Агацци Э.* Моральное измерение науки и техники. М.: Московский философский фонд, 1998. 324 с.
10. *Канке В.А.* Этика ответственности. Теория морали будущего. М.: Логос, 2003. 352 с.
11. *Lenk H.* Zur Sozialphilosophie der Technik. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1982. S. 226.

Статья представлена кафедрой истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философские науки» 14 ноября 2006 г., принята к печати 21 ноября 2006 г.